

ТЕРРИТОРИЯ: ФАКТЫ, ОЦЕНКИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

TERRITORY: FACTS, ASSESSMENTS, PROSPECTS

Развитие территорий. 2025. № 2. С. 08—23.
Territory Development. 2025;(2):08—23.

Территория: факты, оценки, перспективы

Научная статья
УДК 332.14
DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-08-23
EDN ERCJNT

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ РАЗВИТИЯ РЕСУРСНЫХ РЕГИОНОВ: ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОЛЕЗЕН ДЛЯ АНГАРО-ЕНИСЕЙСКОГО МАКРОРЕГИОНА?

Ольга Сергеевна Нагаева¹, Николай Георгиевич Шишацкий²

^{1,2} Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация

¹ ecpro@mail.ru

² nik@ksc.krasn.ru

Аннотация. В статье анализируется сырьевая направленность развития Ангаро-Енисейского макрорегиона, объединяющего четыре региона Восточной Сибири — Красноярский край, Иркутскую область, Республику Хакасия и Республику Тыва. Однако масштабные инвестиции в проекты освоения ресурсного потенциала не влекут за собой развития смежных секторов экономики, а также повышения уровня и качества жизни населения макрорегиона. В связи с этим исследуется международный опыт наиболее успешного социально-экономического развития ресурсных регионов, выявляются основные факторы и механизмы, позволяющие данным регионам достичь не только устойчивых темпов экономического роста, но и высоких показателей социального благополучия. На основе проведенного анализа разработаны рекомендации для сбалансированного социально-экономического развития Ангаро-Енисейского макрорегиона.

Ключевые слова: ресурсный регион, международный опыт, Ангаро-Енисейский макрорегион, рентные доходы, уровень и качество жизни населения, социально-экономическое развитие

Благодарности: статья подготовлена по плану НИР ИЭОПП СО РАН, проект 5.6.3.2 (0260-2021-0005) «Движущие силы и механизмы развития кооперационных и интеграционных процессов в экономике Сибири». № 121040100279-5.

Для цитирования: Нагаева О. С., Шишацкий Н. Г. Международный опыт развития ресурсных регионов: чем может быть полезен для Ангаро-Енисейского макрорегиона? // Развитие территорий. 2025. № 2. С. 08—23. DOI 10.32324/2412-8945-2025-2-08-23. EDN ERCJNT.

Territory: facts, assessments, prospects

Original article

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN THE DEVELOPMENT OF RESOURCE REGIONS: WHAT CAN BE USEFUL FOR THE ANGARA-YENISEI MACRO-REGION?

Olga S. Nagaeva¹, Nikolay G. Shishatsky²

^{1,2} Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation

¹ ecpro@mail.ru

² nik@ksc.krasn.ru

Abstract. The article analyzes the raw material orientation of the development of the Angara-Yenisei macro-region, which unites four regions of Eastern Siberia: Krasnoyarsk Krai, Irkutsk Oblast, the Republic of Khakas-

© Нагаева О. С., Шишацкий Н. Г., 2025

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

sia, and the Republic of Tyva. However, large-scale investments in projects to develop resource potential do not lead to the development of related sectors of the economy, as well as an increase in the level and quality of life of the population of the macro-region. In this regard, the international experience of the most successful socio-economic development of resource regions is studied, the main factors and mechanisms that allow these regions to achieve not only sustainable economic growth rates, but also high indicators of social well-being are identified. Based on the analysis, recommendations have been developed for the balanced socio-economic development of the Angara-Yenisei macro-region.

Keywords: resource region, international experience, Angara-Yenisei macro-region, rental income, level and quality of life of the population, socio-economic development

Acknowledgments: the article was prepared according to the research plan of the IEIE SB RAS, project 5.6.3.2. (0260-2021-0005) "Driving Forces and Mechanisms for the Development of Cooperation and Integration Processes in the Siberian Economy". No. 121040100279-5.

For citation: Nagaeva O.S., Shishatsky N.G. International Experience in the Development of Resource Regions: What Can Be Useful for the Angara-Yenisei Macro-Region? *Territory Development*. 2025;(2):08—23. (In Russ.). <https://doi.org/10.32324/2412-8945-2025-2-08-23>. <https://elibrary.ru/ercjnt>.

Введение

Перспективы социально-экономического развития регионов Восточной Сибири — Красноярского края, Иркутской области, Республики Хакасия и Республики Тыва, образующих в соответствии со стратегией пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 г. Ангаро-Енисейский макрорегион (АЕМР), во многом связаны с освоением их богатейшего природно-ресурсного потенциала. В настоящее время в макрорегионе реализуются масштабные проекты по освоению минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов. В качестве основных следует отметить проект «Восток Ойл» (Красноярский край), освоение Юрубчено-Тохомской группы нефтегазовых месторождений (Красноярский край), а также месторождений Даниловского нефтегазового кластера (Иркутская область), Ковыктинского газоконденсатного месторождения (Иркутская область), Жеронского каменноугольного месторождения (Иркутская область), разработку Сырадасайского угольного месторождения (Красноярский край), развитие Бейского угольного кластера (Республика Хакасия), освоение Улуг-Хемского каменноугольного бассейна (Республика Тыва), развитие минерально-сырьевой базы ПАО «ГМК „Норильский никель”» (Красноярский край), разработку золоторудных месторождений (Красноярский край и Иркутская область), освоение медно-порфирового месторождения Ак-Суг (Республика Тыва).

Однако активное развитие сырьевого сектора в АЕМР не влечет за собой соответствующего повышения уровня и качества жизни населения макрорегиона. В связи с этим представляется необходимым выявление и анализ опыта ресурсных регионов, которым удалось достичь не только устой-

чивых темпов экономического развития, но и высокого уровня социального благосостояния населения.

Целью исследования является изучение международного опыта развития ресурсных регионов, институциональных условий освоения природных ресурсов и основных мер, направленных на достижение сбалансированного и устойчивого социально-экономического развития, а также разработка на основе полученных результатов рекомендаций для АЕМР.

В первой части исследования анализируются особенности социально-экономического развития АЕМР в условиях активного освоения его сырьевого потенциала, во второй рассматривается успешный опыт социально-экономического развития провинции Альберта (Канада), штата Западная Австралия (Содружество Австралии) и региона долины реки Теннесси (США) как пример эффективного пространственного развития.

Анализ ряда исследований по влиянию освоения природных ресурсов на социально-экономическое развитие

Дискуссии о роли природных ресурсов в социально-экономическом развитии до сих пор не утихают как в отечественной, так и зарубежной научной литературе. Одни авторы доказывают, что активное развитие сырьевого сектора приводит к замедлению темпов экономического роста. Данный феномен получил название «ресурсное проклятие» [1—3]. Другие авторы, анализируя влияние природных ресурсов на темпы роста валового внутреннего продукта, наличие этого феномена опровергают [4—7].

Наряду с этим все большее признание получает тезис о том, что присутствие природных ресурсов само по себе не является проклятием, а напротив, выступает естествен-

ным конкурентным преимуществом, а роль этих ресурсов в социально-экономическом развитии во многом зависит от институциональных условий их использования [8 ; 9]. При этом на национальном уровне в качестве основных институтов рассматриваются верховенство закона, защита прав собственности и гарантированность исполнения контрактов, открытость и подотчетность органов власти населению, коррупция и эффективное государственное управление, для оценки качества которых используются соответствующие международные индексы [4 ; 8 ; 9].

В последнее время появляется все больше работ, где фокус исследования смещается на региональный уровень, поскольку именно здесь проявляются основные эффекты от освоения природно-ресурсного потенциала. Кроме оценки влияния природных ресурсов на региональный экономический рост [10—12], значительное внимание уделяется анализу воздействия ресурсного развития на уровень социального благосостояния [13—16]. Полученные в различных исследованиях результаты, как и для национального уровня, существенно различаются. Так, анализируя социально-экономическое развитие некоторых ресурсных регионов США (штаты Колорадо, Техас и Вайоминг), Дж. Вебер (J. G. Weber) обнаружил положительное влияние увеличения газодобычи на уровень жизни населения [13]. В то же время в работе Дж. Хаггерти (J. Haggerty) и ее коллег утверждается, что нефтегазовая специализация негативным образом сказывается на социальном благосостоянии западных штатов США [14]. Сравнение ресурсных регионов с остальными регионами Австралии не выявило никаких признаков «ресурсного проклятия», напротив, ресурсная специализация способствует повышению благосостояния населения регионов [15]. Изучая добывающие регионы Иордании, исследователи делают вывод о том, что ресурсное развитие не имеет существенных социально-экономических эффектов для регионов [16]. Российские ученые, анализируя социально-экономическое развитие некоторых ресурсных регионов, отмечают их отставание по уровню жизни от нересурсных регионов [17] или от среднероссийского уровня [18 ; 19].

Исходя из результатов различных исследований, можно сделать вывод о том, что на региональном уровне ключевым фактором являются и институциональные условия освоения природных ресурсов, и меры государственной политики, направленные

на использование выгод от освоения природных ресурсов на благо экономического развития региона и повышение благосостояния его населения. Однако в научной литературе не уделено достаточного внимания раскрытию содержания и систематизации данных мер. В связи с этим авторы статьи делают попытку рассмотреть такие меры на примере наиболее успешного международного опыта развития ресурсных регионов.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили данные официальной статистики, нормативные правовые акты и материалы сайтов администраций рассматриваемых регионов, информационные отчеты соответствующих департаментов, государственных корпораций, а также независимых исследований.

В научной литературе для оценки уровня экономического развития ресурсных регионов наиболее часто используется показатель валового регионального продукта в расчете на душу населения, а основным показателем для оценки социального благосостояния является размер среднедушевых доходов населения. Поэтому в представленном исследовании при оценке социально-экономического развития ресурсных регионов упор был сделан на анализ данных показателей. Кроме того, по нашему мнению, индикатором социально-экономических условий и комфортности проживания в регионе может выступать динамика численности населения, анализ которой также был включен в исследование.

Одним из методов исследования является сопоставление ключевых социально-экономических показателей ресурсных регионов и темпов их изменения с национальным уровнем на протяжении периода ресурсного развития.

Сравнение основных региональных показателей со страновым уровнем в начале их ресурсного развития и в последующие периоды, на наш взгляд, позволяет оценить, способствует ли сырьевая специализация экономическому росту и повышению социального благосостояния населения.

Для выявления институциональных условий использования природно-ресурсного потенциала и ключевых мер государственной политики, направленной на достижение устойчивого социально-экономического развития ресурсных регионов, применялся ме-

тод контент-анализа нормативных правовых актов, материалов сайтов администраций рассматриваемых регионов и информационных отчетов.

Сырьевая направленность развития Ангаро-Енисейского макрорегиона

Конкурентным преимуществом Ангаро-Енисейского макрорегиона является масштабный и разнообразный природно-ресурсный потенциал, здесь сосредоточены значительные запасы нефти и природного газа, угля, цветных металлов (кобальта, никеля, лития, меди, свинца, золота, металлов платиновой группы и др.). Макрорегион также обладает существенным гидроэнергетиче-

ским потенциалом и запасами древесины. Реализация крупных инвестиционных проектов, связанных с использованием сырьевого потенциала макрорегиона, во многом определяет его социально-экономическое развитие. Так, за период с 2005 по 2023 г. совокупные инвестиции в добывающий сектор увеличились более чем в 16 раз, в результате по показателю объема инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения макрорегион в последние годы значительно опережает среднероссийский уровень (рис. 1). В 2023 г. доля инвестиций, направляемых в добычу полезных ископаемых, в общей структуре инвестиций выросла с 7,9 до 25,3 % [20 ; 21].

Объем инвестиций

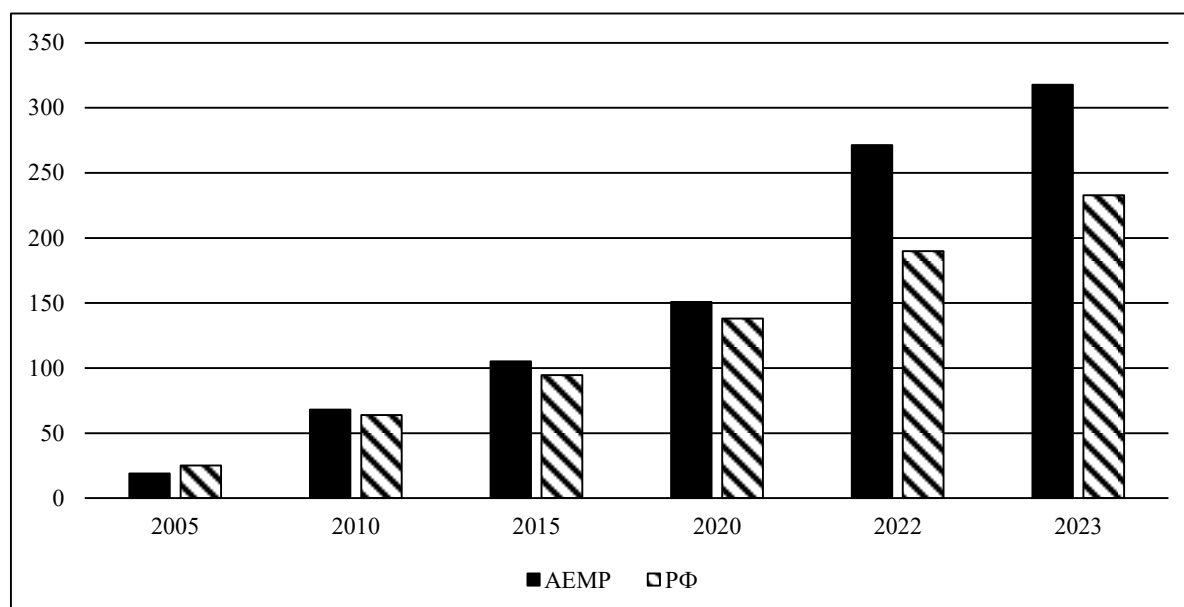

Рис. 1. Объем инвестиций в основной капитал в расчете на душу населения в фактически действующих ценах, тыс. руб. (рассчитано по: [20—22])

Volume of investment in fixed capital per capita in actual prices, thousand rubles (calculated according to: [20—22])

Активное развитие сырьевого сектора способствовало ускорению темпов экономического роста. Если показатель ВРП на душу населения в АЕМР в 2005 г. отставал от национального уровня, то с 2014 г. стабильно его превышает (рис. 2).

Однако рост инвестиций в добычу полезных ископаемых не вызвал сопоставимый рост инвестиций в сопряженных отраслях (рис. 3). В результате доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавлен-

ной стоимости АЕМР увеличилась с 4,1 % в 2005 г. до 25,6 % в 2022 г., в то время как доля обрабатывающих производств снизилась с 37,7 % в 2005 г. до 19,4 % в 2022 г. [20 ; 21] При этом в обрабатывающих производствах значительную долю сохраняет первичная переработка сырья. Таким образом, экономический рост в макрорегионе происходит преимущественно за счет развития сырьевого сектора.

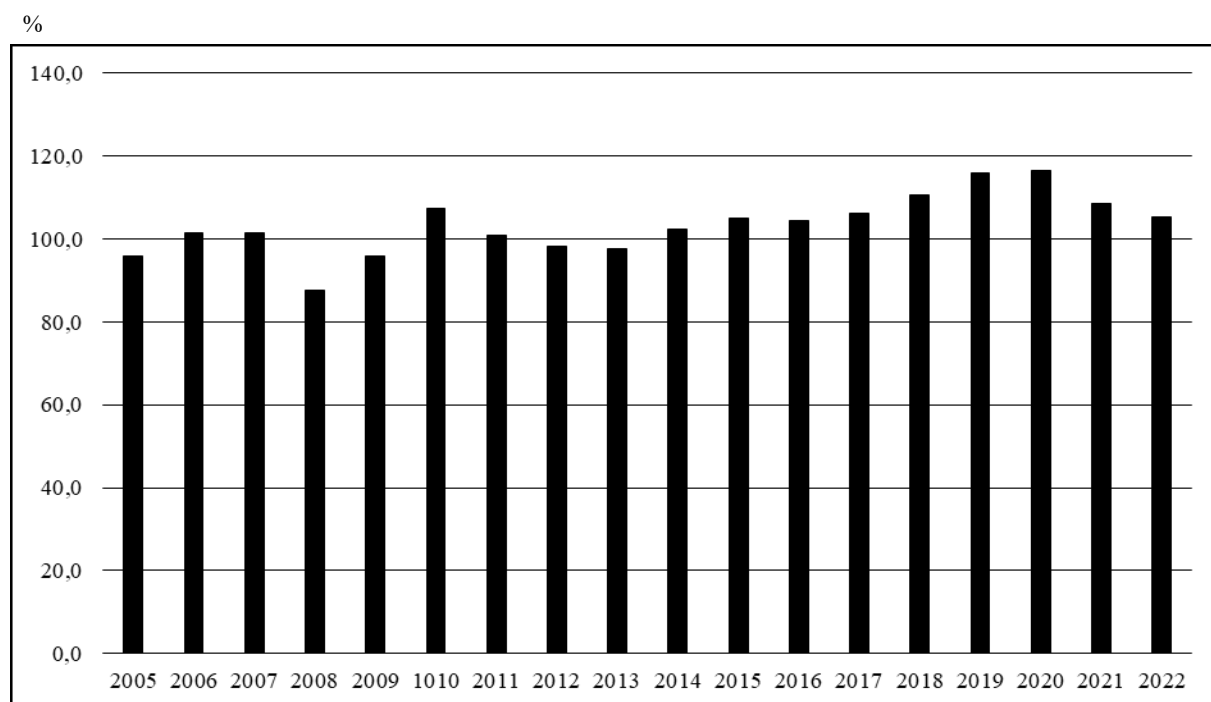

Рис. 2. Соотношение ВРП на душу населения в АЕМР с национальным уровнем, % (национальный уровень = 100 %) (рассчитано по: [20—22])
The ratio of GRP per capita in the AYMR to the national level, % (national level = 100 %) (calculated according to: [20—22])

Млрд руб.

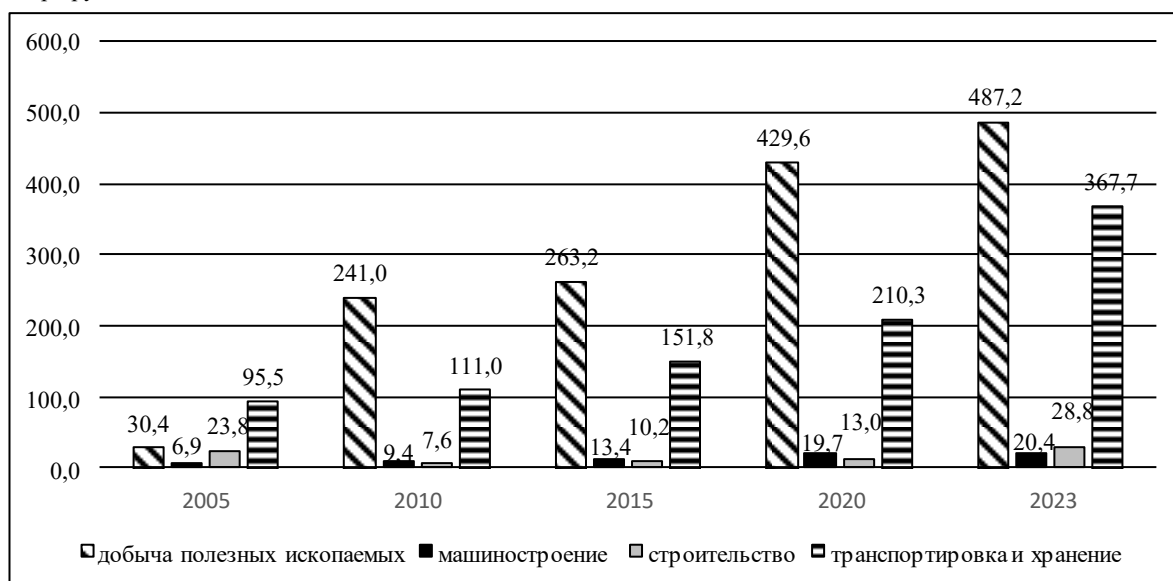

Рис. 3. Динамика инвестиций в основной капитал в АЕМР по отдельным видам экономической деятельности в сопоставимых ценах 2023 г., млрд руб. (рассчитано по: [20 ; 21])
Dynamics of investment in fixed assets in the AYMR by individual types of economic activity in comparable prices of 2023, billion rubles (calculated according to: [20; 21])

Активное развитие сырьевого сектора не способствовало значительному улучшению уровня и качества жизни населения, а по ряду показателей социального благосостояния даже экономические лидеры мак-

рорегиона — Красноярский край и Иркутская область — отставали от среднероссийского уровня. Кроме того, это отставание по сравнению с 2005 г. усилилось (табл. 1).

Таблица 1

Показатели социального благосостояния Ангаро-Енисейского макрорегиона в сравнении со среднероссийским уровнем

Indicators of social welfare of the Angara-Yenisei macro-region in comparison with the average Russian level

Показатель	РФ 2023 г.	АЕМР 2023 г.	В том числе				Соотношение АЕМР с национальным уровнем, %	
			Красноярский край	Иркутская область	Республика Хакасия	Республика Тыва	2005 г.	2023 г.
Среднедушевые доходы населения, тыс. руб/мес	53,1	44,7	50,3	42,3	35,0	28,9	88,0	84,2
Уровень бедности (доля населения с денежными доходами ниже прожиточного минимума), %	8,5	13,8	12,7	13,2	15,8	23,5	131,5	162,3
Ожидаемая про- должительность жизни при рожде- нии, лет	73,41	70,23	71,32	69,32	70,68	66,6	93,9	95,7
Обеспеченность благоустроенным жильем, м ² на 1 человека	28,5	18,8	20,6	18,2	20,7	5,2	88,5	65,9

Примечание. Рассчитано по: [20—22].

Note. Calculated according to: [20—22].

Следует отметить, что значительные инвестиции в сырьевой сектор не повлекли за собой приток в регион трудовых ресурсов, освоение месторождений происходит пре-

имущественно вахтовым методом, часто используются работники из других регионов, в то же время в АЕМР продолжается сокращение численности населения (рис. 4).

Тыс. человек

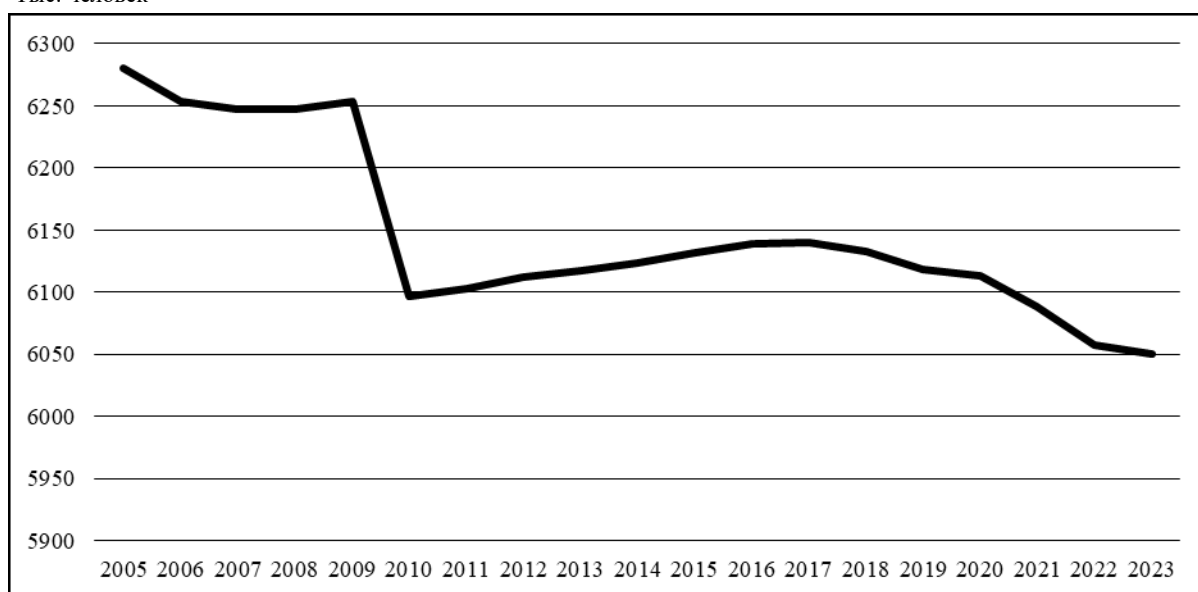

Рис. 4. Динамика численности населения Ангаро-Енисейского макрорегиона, тыс. человек (рассчитано по: [20 ; 21])
Dynamics of the population of the Angara-Yenisei macro-region, thousand people (calculated according to: [20; 21])

Таким образом, значительные инвестиции в сырьевой сектор не способствуют улучшению уровня и качества жизни населения макрорегиона. Развитие сырьевого сектора в АЕМР происходит преимущественно по типу ресурсного анклава и не создает значительных социально-экономических эффектов для макрорегиона, однако усиливает его сырьевую зависимость [23].

Между тем в международной практике имеются примеры регионального развития с опорой на сырьевой сектор и эффективное использование природных ресурсов, когда

удается достичь не только устойчивых темпов экономического роста, но и существенного повышения уровня жизни населения региона.

Международный опыт развития сырьевых регионов

Наиболее успешным является опыт провинции Альберта (Канада), штата Западная Австралия (Содружество Австралии), региона долины реки Теннесси (США).

Представим сравнительные характеристики данных регионов с АЕМР (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительные характеристики ресурсных регионов разных стран
Comparative characteristics of resource regions of different countries

Показатель	Альберта (Канада)	Западная Австралия (Содружество Австралии)	Регион долины реки Теннесси (США)	АЕМР (Россия)
Площадь территории, млн км ²	0,66	2,53	0,26	3,4
Численность населения, млн человек	4,69	2,96	11,75	6,05
ВРП на душу населения, тыс. USD (по паритету покупательной способности) (по данным 2023 г.)	82,44	111,97	73,39	37,86
Среднедушевые доходы населения, тыс. USD (по паритету покупательной способности) в год (по данным 2023 г.)	63,45	62,72	62,23	20,11

Примечание. Рассчитано по: [20 ; 21 ; 24—26].

Note. Calculated according to: [20 ; 21 ; 24—26].

Выбранные регионы характеризуются не самыми благоприятными природно-климатическими условиями и/или экономико-географическим расположением, и в начале своего ресурсного развития относились к экономически слабо развитым периферийным регионам со множеством социальных проблем. Используя свой природно-ресурсный потенциал и создав соответствующие

институциональные условия, регионам во многом удалось добиться сбалансированного развития и достичь не только устойчивого экономического роста, но и значительного улучшения благосостояния населения. При этом экономика, уровень жизни и численность населения в данных регионах часто росли более быстрыми темпами, чем в среднем по стране (табл. 3).

Таблица 3

Среднегодовые темпы изменения показателей социально-экономического развития регионов разных стран

Average annual rates of change in indicators of socio-economic development of regions of different countries

Период	Альберта (Канада)		Западная Австралия		Регион Теннесси (США)	
	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика
Среднегодовые темпы изменения ВРП в расчете на душу населения, %						
1961—1980 гг.	111,8	109,3	106,3	107,2	108,6	108,2
1981—2000 гг.	105,3	105,0	107,4	106,9	106,1	105,5
2001—2023 гг.	103,6	103,2	106,7	104,6	103,8	103,7

Период	Альберта (Канада)		Западная Австралия		Регион Тенесси (США)	
	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика	регион	национальная экономика
Среднегодовые темпы изменения среднедушевых доходов населения, %						
1961—1980 гг.	110,2	109,5	107,8	108,1	108,4	107,7
1981—2000 гг.	105,4	105,1	107,5	106,6	106,1	105,7
2001—2023 гг.	103,5	103,4	109,4	108,8	103,7	103,6
Среднегодовые темпы изменения численности населения, %						
1961—1980 гг.	102,6	101,6	102,1	101,3	101,3	101,2
1981—2000 гг.	101,6	101,1	102,0	101,3	101,1	101,1
2001—2023 гг.	102,0	101,2	101,9	101,5	101,0	100,7

Примечание. Рассчитано по: [24—26].

Note. Calculated according to: [24—26].

Следует отметить, что в начале ресурсного развития выбранные регионы отставали по основным социально-экономическим пока-

зателям, а в настоящее время некоторым из них удалось превзойти национальный уровень (табл. 4).

Таблица 4

Основные показатели социально-экономического развития ресурсных регионов разных стран в сравнении с национальным уровнем

Key indicators of socio-economic development of resource regions of different countries in comparison with the national level

Регион	ВРП на душу населения (от национального уровня), %			Среднедушевые доходы населения (от национального уровня), %		
	1950 г.	1990 г.	2023 г.	1950 г.	1990 г.	2023 г.
Альберта (Канада)	98,9	117,8	131,8	98,1	103,6	120,0
Западная Австралия (Содружество Австралии)	90,0	103,4	161,3	88,5	97,7	109,3
Регион Тенессии (США)	68,1	80,6	91,6	60,0	85,17	90,1

Примечание. Рассчитано по: [24—26].

Note. Calculated according to: [24—26].

Таким образом, рассматриваемым регионам благодаря эффективной политике использования природных ресурсов удалось не только избежать симптомов «ресурсного проклятия», но и значительно улучшить показатели экономического и социального развития. При этом реализуемые стратегии и используемые инструменты обуславливаются особенностями природно-ресурсного потенциала, а также региональными возможностями и ограничениями.

Представим характеристику развитых ресурсных регионов различных стран.

Провинция Альберта (Канада). До 1950-х гг. экономика провинции Альберта была в основном аграрной и опиралась на экспорт пшеницы и говядины. На сегодняшний день Альберта занимает первое место по индексу развития человеческого капитала, размеру среднедушевых доходов и по показателю

ВРП на душу населения [24]. Ведущую роль в экономике провинции играет нефтегазовый сектор, который является одним из самых развитых в мире. Провинция обеспечивает 80 % национальной добычи нефти и 63 % добычи природного газа. При этом большая часть запасов нефти Альберты относится к трудноизвлекаемым, более трех четвертей добычи сырой нефти приходится на нефтеносные пески.

Альберта имеет широкие полномочия в управлении природными ресурсами на своей территории. В компетенции провинции находится предоставление недр в пользование, установление ресурсных платежей, определение направлений их использования. Система управления природными ресурсами строится на принципе ответственности государства и бизнеса и направлена на поддержание баланса между экономическим разви-

тием, сохранением окружающей среды и социальным благополучием [27]. Функции управления энергосырьевым комплексом провинции осуществляет департамент энергетики правительства Альберты. Узкая специализация и конкретная сфера действия каждого управления в рамках департамента обеспечивает возможность постоянного мониторинга и быстрого реагирования без разпыления ответственности между несколькими ведомствами.

В качестве основных факторов, обеспечивающих ускоренное социально-экономическое развитие провинции Альберта, следует отметить:

— адаптивную и благоприятную институциональную среду для развития сырьевого сектора, основными элементами которой являются гибкая система роялти, учитывающая не только внешние факторы, но и особенности объекта освоения и используемую технологию добычи; системный подход к регулированию процесса освоения нетрадиционных залежей; разнообразную организационную структуру участников, включающую в себя крупные, средние, мелкие добывающие компании и сервисные компании различной специализации; экологические стандарты, стимулирующие технологические улучшения и повышение эффективности процесса освоения нефтеносных песков; единую государственную систему хранения, обработки, поиска и выдачи информации о недрах и недропользовании, позволяющую проводить мониторинг процесса освоения недр и своевременно принимать эффективные решения; процедуры взаимодействия компаний и правительства Альберты на различных стадиях добычи и распределения эффектов;

— прямое участие правительства провинции в развитии и реализации проектов в сфере научных исследований и разработки новых технологических решений для нефтегазового сектора, что наряду с благоприятной институциональной средой сделало технически возможным и экономически эффективным добычу трудноизвлекаемых запасов нефти из нефтеносных песков. Нефтегазовый сектор провинции является крупнейшим заказчиком наукоемких и высокотехнологичных продуктов современных отраслей, а провинция Альберта — признанным мировым лидером в сфере технологических разработок извлечения трудноизвлекаемых запасов нефти. В то же время развитие и внедрение новых технологий привело к резкому увеличению нефтедобычи в регионе, значительно-

му расширению доступных к освоению запасов и отодвинуло на неопределенный срок проблему истощения природных ресурсов;

— осуществляемое при содействии властей провинции расширение прямых и обратных взаимосвязей нефтегазового сектора в регионе, развитие нефтегазоперерабатывающей и нефтегазохимической промышленности, создающей продукцию с высокой добавленной стоимостью, высокотехнологичных сервисных отраслей и сервисного машиностроения;

— создание правительством провинции Альберты в 1976 г. Трастового фонда сбережения наследства провинции Альберта (the Alberta Heritage Saving Trust Fund) для накопления выгод от невозобновляемых ресурсов, значительная часть средств которого инвестировалась в региональную экономику: на реализацию инфраструктурных проектов, предоставление займов частному бизнесу, финансирование деятельности государственных корпораций правительства Альберты. В разное время за счет средств Трастового фонда также было сформировано несколько специальных финансовых фондов для стимулирования исследований и инновационных разработок в различных отраслях, что обеспечило Альберте лидирующие позиции в сфере медицинских, биотехнологических исследований, инженерных и энергетических разработок. Сегодня фонд является сберегательным и ориентирован на долгосрочные финансовые инвестиции. Доходы фонда формируются только за счет инвестиционных доходов на накопленный капитал. В 2022 г. капитал фонда оценивался в 22,1 млрд долл. [28]

В настоящее время все доходы от невозобновляемых ресурсов поступают непосредственно в бюджет провинции, где их доля составляет в среднем 15,2 % [29]. Бюджетные средства правительства Альберты направляются на приоритетные направления развития, к которым относятся образование и здравоохранение, а также стимулирование предпринимательской активности в регионе и диверсификация экономики. Основными направлениями диверсификации выступают электроэнергетика с развитием возобновляемых источников энергии, сельское хозяйство, лесное хозяйство, туризм, сектор высоких технологий, креативные индустрии [30].

Штат Западная Австралия (Содружество Австралии). Если несколько десятилетий назад Западная Австралия была периферийным регионом, с экономикой, сильно зависящей от мировых цен на отдельные виды

природных ресурсов, то в настоящее время регион динамично развивается, имеет устойчивую экономику и самый высокий в Австралии уровень жизни населения.

Успешные результаты экономического развития Западной Австралии являются следствием эффективного управления и проведения структурных реформ.

Вопросы регулирования недропользования в Австралии являются сферой ответственности штатов. Законодательством штата также устанавливается роялти на минеральные ресурсы, который в полном объеме зачисляется в бюджет штата. При этом размер роялти определяется таким образом, чтобы население региона получило справедливую компенсацию за потерю своих невозобновляемых природных ресурсов. Размер и порядок распределения роялти за нефть регулируются совместно властями штата и Содружества. Доходы от добычи нефти на суше полностью зачисляются в бюджет штата, роялти за нефть, добываемую на шельфе, распределяется между Содружеством и штатом в пропорции 60:40 [31].

Усилия в области управления природными ресурсами направлены на максимально эффективное использование природно-ресурсного потенциала. Если несколько десятилетий назад экономика региона базировалась на добыче всего нескольких природных ресурсов, основным из которых была железная руда, то в настоящее время в Западной Австралии добывается более 50 видов минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов, что обеспечило снижение зависимости региона от нескольких экспортных рынков и колебаний мировых цен на сырье. Западная Австралия также является крупнейшим производителем сжиженного природного газа. В 2023 г. в добывающем секторе реализовывалось 134 проекта, в том числе 19 проектов, связанных с переработкой сырья [32].

Сложные природно-климатические условия, в которых ведутся добычные работы, требуют применения инновационных технологий. При поддержке органов власти штата добывающий сектор становится драйвером развития научно-исследовательской деятельности и высокотехнологичных производств, что, в свою очередь, способствует внедрению продвинутых технологий в других секторах экономики. В результате сегодня Западная Австралия является центром инновационного развития всего Содружества, а также ведущим мировым разработчиком и поставщи-

ком инновационных технологий и комплекса технических и сервисных услуг в горнодобывающей промышленности.

Реализации масштабных инвестиционных проектов, в том числе и за счет значительных иностранных инвестиций, способствует очень благоприятный инвестиционный климат, на формирование которого ориентирована вся система государственного управления Западной Австралии. Благоприятный инвестиционный климат обеспечивается низкими барьерами входа, простыми и прозрачными процедурами получения разрешений, низким политическим риском, современной инфраструктурой, развитым финансовым сектором, высококвалифицированной рабочей силой.

В области управления природными ресурсами следует отметить стабильную и предсказуемую систему регулирования (процессы недропользования регулируются двумя основными нормативными актами — Mining Act 1978 г. и Mining Regulations 1981 г.); прозрачные процедуры получения прав на поиск, разведку и добычу полезных ископаемых; финансовые стимулы для геологоразведочных работ; стабильность и предсказуемость условий реализации проекта; доступность геологических данных и информации о выданных лицензиях и реализуемых проектах; координацию и поддержку органами государственного управления проектов в области освоения сырьевых ресурсов на всех стадиях реализации [32].

Кроме развития сырьевого сектора правительство штата уделяет значительное внимание развитию других секторов экономики. Несмотря на то что подавляющая часть добываемых на территории Западной Австралии природных ресурсов экспортируется, обрабатывающая промышленность штата тоже является достаточно развитой и представлена предприятиями нефтеперерабатывающей, электротехнической промышленности, черной и цветной металлургии, машиностроением и судостроением. В 2019 г. правительством штата была разработана программа по диверсификации экономики. В качестве приоритетных секторов экономики, которые находятся в центре внимания правительства, определены энергетика, туризм, образование, оборонная промышленность, добывающая промышленность, производство оборудования и предоставление технологических услуг для добывающей промышленности, космическая промышленность, здравоохранение, сельское хозяйство и пищевая

промышленность, рыболовство [33]. При этом основные усилия правительства сосредоточены на разработке и внедрении новых технологий, развитии принципов ESG и ориентации продукции и услуг на внешние рынки.

Регион долины реки Теннесси (США). Комплексное освоение долины реки Теннесси представляет собой пример эффективного пространственного развития. В начале 1930-х гг. регион долины реки Теннесси был одним из наиболее отсталых в США и имел серьезные экологические и социальные проблемы. К концу 60-х гг. XX в. в регионе был создан мощный энергетический комплекс, появилось большое количество новых промышленных центров, промышленность стала доминирующей отраслью.

Толчок социально-экономическому развитию региона долины реки Теннесси дала принятая в 1933 г. государственная программа, основу которой составляло создание многоцелевых гидротехнических сооружений, охватывающих своим влиянием весь водосборный бассейн реки Теннесси. По мере реализации программа адаптировалась под нужды региона и внешние вызовы, в нее включались новые пункты [34]. Реализация программы затрагивала территорию семи штатов: Теннесси, Алабама, Северная Каролина, Миссисипи, Кентукки, Джорджия и Вирджиния. Для реализации и управления программой специальным актом создана государственная корпорация «Администрация долины Теннесси» (Tennessee Valley Authority — TVA), которая рассматривается как классический образец адаптивного программного управления пространственным развитием. Корпорация наделена необходимыми государственными полномочиями по планированию и управлению развитием региона, но также обладает определенной свободой и инициативой частных предприятий.

На начальном этапе текущая и инвестиционная деятельность TVA финансировалась за счет федеральных средств, затем текущие расходы корпорации стали покрываться за счет средств от продажи электроэнергии. С 1959 г. и по настоящее время все программы развития TVA финансируются за счет прибыли корпорации, а также выпуска облигаций [35]. При этом заемные обязательства TVA не имеют государственных гарантий и обеспечиваются исключительно собственными доходами, что больше свойственно частному бизнесу. В то же время TVA осуществляет ежегодные платежи государству и бюджетам штатов, на территории которых

она производит электроэнергию и где размещена ее собственность.

Основные факторы успеха развития региона долины реки Теннесси заключаются в следующем: создании единого центра управления программой и развитием макро-региона, обладающего властными полномочиями и гибкостью в принятии решений; в значительных федеральных инвестициях в создание энергетической инфраструктуры и развитие водной транспортной артерии; удержании низких цен на электроэнергию, которая реализуется преимущественно местным потребителям, что стало главной мерой привлечения и сохранения бизнеса в регионе; прямом участии государственной корпорации TVA в развитии бизнеса в регионе, повышении продуктивности сельского хозяйства, обучении трудовых ресурсов, реализации социальных проектов и экологических программ.

Выводы и рекомендации

Изучение успешного опыта развития ресурсных регионов позволяет сделать следующие выводы:

— наличие природных ресурсов является естественным конкурентным преимуществом региона, а сырьевой сектор может выступать драйвером социально-экономического развития при формировании соответствующих институциональных условий;

— основным условием формирования успешных стратегий регионального развития на базе использования природно-ресурсного потенциала является наличие у региона широких полномочий управления природными ресурсами на своей территории и получение значительных доходов от их использования;

— максимизация социально-экономических эффектов требует не только создания институциональных условий для комплексного и экологически безопасного использования природных ресурсов, но и максимального включения сырьевого сектора в региональную экономику путем развития его взаимосвязей с местными компаниями и стимулирования создания широкого комплекса как обслуживающих, так и перерабатывающих производств и различных видов хозяйственной деятельности вокруг сырьевого сектора. Некоторым из рассматриваемых регионов благодаря контролируемому развитию сырьевого сектора удалось превратить свои слабые места, такие как сложные геологические особенности и тяжелые природно-климатические условия, в свои конкурентные пре-

имущества, такие как технологии и высокотехнологичные услуги и производства;

— даже при высокой социально-экономической эффективности сырьевого сектора и высоком уровне обеспечения запасами, отодвигающими проблему истощения ресурсов на неопределенное время, рассмотренные регионы стремятся к диверсификации своей экономики, осуществляемой при участии органов власти, которые не только определяют ее направления, но и принимают прямое участие в реализации проектов;

— население региона привлекается к решению наиболее важных вопросов по использованию природных ресурсов и распределению эффектов от их освоения.

С учетом сделанных выводов можно сформулировать для субъектов АЕМР следующие рекомендации:

— реализация проектов освоения месторождений должна сопровождаться развитием высокотехнологичного сервисного сектора, сервисного машиностроения, перерабатывающих производств, создающих готовую продукцию с высокой добавленной стоимостью. Сложное геологическое строение и суровые природно-климатические условия освоения многих месторождений макрорегиона требуют применения новых технологий, поэтому следует максимально задействовать их в разработке и создании научно-исследовательского потенциала макрорегиона;

— наибольший синергетический эффект может быть получен при формировании ресурсно-инновационных кластеров, объединяющих сырьевые компании, предприятия сервисного сектора и машиностроения, перерабатывающие производства, научно-исследовательские и образовательные организации. В ресурсном кластере максимизация эффектов от использования природных ресурсов будет достигаться не за счет наращивания объемов экспорта необработанных сырьевых ресурсов, а за счет более рационального недропользования с применением инновационных технологий и удлинения технологических цепочек по переработке сырья для создания продукции с высокой добавленной стоимостью. При этом, на наш взгляд, наиболее целесообразным является формирование межрегиональных ресурсно-инновационных кластеров, которые будут объединять хозяйствующие субъекты нескольких регионов, дополняющих друг друга в формировании цепочек добавленной стоимости. В АЕМР существуют предпосылки и возможности формирования нефтегазового

(Красноярский край и Иркутская область), металлургического (Красноярский край, Иркутская область и Республика Хакасия), лесопромышленного (все регионы) межрегиональных ресурсно-инновационных кластеров;

— необходимо расширять участие регионов в управлении недропользованием и увеличивать долю регионов в распределении рентных доходов, так как в настоящее время большая часть рентных доходов от использования природных ресурсов поступает в федеральный бюджет, а участие региональных органов власти в регулировании недропользования на своей территории весьма ограничено. Основным направлением использования рентных доходов в АЕМР должно стать развитие отраслей несырьевой экономики и реализация инфраструктурных проектов, которые будут способствовать интеграции макрорегиона;

— основным элементом организационного механизма интеграции макрорегиона может послужить создание государственной корпорации развития АЕМР. Однако, на наш взгляд, такая корпорация должна играть не просто роль института развития, но по примеру американской государственной корпорации TVA обладать необходимыми властными полномочиями и в то же время определенной гибкостью в принятии решений. В задачи корпорации должны входить не только качественная проработка, обоснование и оценка ключевых инвестиционных проектов, способствующих интеграции и сбалансированному развитию макрорегиона, но и прямое участие в их финансировании;

— инвестиционный фонд корпорации, необходимый для ее прямого участия в финансировании ключевых инвестиционных проектов, возможно сформировать за счет части рентных доходов, собираемых на территории субъектов макрорегиона. Особенность данного предложения заключается в том, что часть рентных доходов предлагается направлять не в региональный, а в межрегиональный фонд. Такой механизм распределения и использования рентных доходов будет способствовать интеграции и комплексному развитию всего макрорегиона, а также выравниванию уровня жизни в регионах-участниках. Кроме того, государственную корпорацию развития макрорегиона следует наделить правом выпуска собственных долговых ценных бумаг, средства от размещения которых будут направляться для финансирования приоритетных инвестиционных проектов.

Список источников

1. *Dametie O., Serhir M.* Natural resource curse in oil exporting countries: A nonlinear approach // *International Economics*. 2018. Vol. 156. P. 231—146. DOI: 10.1016/j.inteco.2018.04.001
2. *Sachs J. D., Warner A. M.* Natural resources and economic development: the curse of natural resources // *European Economic Review*. 2001. No. 45. P. 827—838. DOI:10.1016/S0014-2921(01)00125-8
3. *Empirical evidence on the resource curse hypothesis in oil abundant economy / S. L. Satti, A. Farooq, N. Loganathan, M. Shahbaz // Economic Modelling*. 2014. Vol. 42. P. 421—429. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.07.020
4. *Natural resource abundance, institutional quality and manufacturing development: Evidence from resource-rich countries / I. Amiri, F. Samadian, M. Yahoo, S. J. Jamali // Resource Policy*. 2019. Vol. 62. P. 550—560. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.11.002
5. *Arin K. P., Braunfels E.* The resource curse revisited: A Bayesian model averaging approach // *Energy Economics*. 2018. Vol. 70. P. 170—178. DOI: 10.1016/j.eneco.2017.12.033
6. *Садовская В., Шмат В.* Парадокс «ресурсного проклятия»: межстрановой анализ // *Мировая экономика и международные отношения*. 2017. Т. 61, № 3. С. 25—35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-25-35
7. *Влияние нефтегазовой отрасли на экономику добывающих стран / И. В. Филимонова, Л. В. Эдер, И. В. Проворная, Д. М. Черепанова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Экономика*. 2020. Т. 36, вып. 4. С. 693—718. DOI: 10.21638/spbu05.2020.407
8. *Aytas S. E., Mousseau M., Örsün Ö. F.* Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms // *Democratization*. 2016. Vol. 23 (1). P. 71—92. DOI: 10.1080/13510347.2014.964216
9. *Чиркова Е.* Влияние институтов на развитие ресурсных экономик. М. : Моск. центр Карнеги, 2017. 66 с. URL: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/CP_Chirkova_2017_web_Rus.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
10. *Resource abundance and regional development in China / X. Zhang, L. Xing, S. Fan, X. Luo // Economic of Transition*. 2008. Vol. 16 (1). P. 7—29. DOI: 10.1111/j.1468-0351.2007.00318.
11. *Postali F. A. S.* Petroleum royalties and regional development in Brazil: The economic growth of recipient towns // *Resource Policy*. 2009. Vol. 34. P. 205—213. DOI: 10.1016/j.resourpol.2009.03.002
12. *Libman A.* Natural resources and sub-national economic performance: Does sub-national democracy matter? // *Energy Economics*. 2013. Vol. 37. P. 82—99. DOI: 10.1016/j.eneco.2013.02.003
13. *Weber J. G.* The effects of a natural gas boom on employment and income in Colorado, Texas and Wyoming // *Energy Economics*. 2012. Vol. 34 (5). P. 1580—1588. DOI: 10.1016/j.eneco.2011.11.013
14. *Long-term effects of income specialization in oil and gas extraction: The U.S. West, 1980—2011 / J. Haggerty, P. H. Gude, M. Delorey, R. Rasker // Energy Economics*. 2014. Vol. 45. P. 186—195. DOI: 10.1016/j.eneco.2014.06.020
15. *Hajkowicz S. A., Heyenga S., Moffat K.* The relationship between mining and socio-economic wellbeing in Australia's regions // *Resource Policy*. Vol. 36. P. 30—38. DOI: 10.1016/j.resourpol.2010.08.007
16. *Rawashdeh R., Cambell G., Titi A.* The socio-economic impacts of mining on local communities: The case of Jordan // *The Extractive Industries and Society*. 2016. Vol. 3. P. 494—507. DOI: 10.1016/j.exis.2016.02.001
17. *Белоусова С. В.* Ресурсные регионы: экономические возможности и финансовая справедливость // *ЭКО*. 2015. № 6. С. 40—48.
18. *Бабина С. И., Егорова Н. М.* Анализ уровня жизни населения Кемеровской области — Кузбасса в контексте ресурсной зависимости экономики региона // *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6, № 3. С. 357—373. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373
19. *Токарев А. Н.* Особенности социально-экономического развития ресурсных регионов России // *Вестник Северо-Восточного федерального университета. Серия: Экономика. Социология. Культурология*. 2017. № 1 (05). С. 7—15.
20. *Иркутскстат*. URL: <https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.09.2024).
21. *Красноярскстат*. URL: <https://24.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (дата обращения: 15.09.2024).
22. *Росстат*. URL: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (дата обращения: 15.09.2024).
23. *Левин С. Н., Каган Е. С., Саблин К. С.* Регионы «ресурсного типа» в современной российской экономике // *Журнал институциональных исследований*. 2015. Т. 7, № 3. С. 92—101.
24. *Canada's national statistical agency*. URL: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/data?MM=1> (дата обращения: 10.09.2024).
25. *Australian Bureau of Statistics*. URL: <https://www.abs.gov.au/statistics> (дата обращения: 20.09.2024).
26. *U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA)*. URL: <https://www.bea.gov> (дата обращения: 20.09.2024).
27. *Responsible actions: a plan for Alberta's oil sands*. Government of Alberta, 2009. URL: <https://open.alberta.ca/publications/9780778580546> (дата обращения: 08.09.2024).
28. *Alberta Heritage Fund: Hits \$22.1B value*. URL: <https://edmonton.ctvnews.ca/heritage-fund-reaches-all-time-high-value-of-22-1b-1.6857531#:~:text=Stephen%20Thompson%2C%20the%20executive%20director,third%2Dquarter%20results%20for%202023> (дата обращения: 08.09.2024).

29. Hill T., Emes J., Clemens J. A New (Old) Fiscal Rule for Non-Renewable Resource Revenue in Alberta. Fraser Institute, 2021. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/new-old-fiscal-rule-for-non-renewable-resource-revenue-in-alberta.pdf> (дата обращения: 20.09.2024).
30. Mansell R. L. Diversification of the Alberta economy: in search of stability. University of Calgary. The School of Public Policy Publications. SPP Pre-Publication Series, 2021. URL: https://www.policyschool.ca/wp-content/uploads/2021/07/AF11_Diversification_Mansell.pdf (дата обращения: 20.09.2024).
31. Royalties information. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety. URL: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Royalties-information-16542.aspx> (дата обращения: 20.09.2024).
32. Investors. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety. URL: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Investors-339.aspx> (дата обращения: 20.09.2024).
33. Diversify WA: Future State. Department of Jobs, Tourism, Science and Innovation — Economic Development. URL: <https://www.wa.gov.au/government/publications/diversify-wa-future-state> (дата обращения: 22.09.2024).
34. Kline P., Moretti E. Local Economic Development, Agglomeration Economies, and the Big Push: 100 Years of Evidence from the Tennessee Valley Authority // *The Quarterly Journal of Economics*. 2014. Vol. 129(1). P. 275—331. DOI: 10.1093/qje/qjt034.
35. TVA Strategic Intent and Guiding Principles. 2021. URL: <https://wehco.media.clients.ellingtoncms.com/timesfreepress/news/documents/2021/05/06/214003strategicplandocumentp2114647632851.pdf> (дата обращения: 15.10.2024).

References

1. Damettie O., Serhir M. Natural resource curse in oil exporting countries: A nonlinear approach, *International Economics*, 2018, vol. 156, pp. 231–146. DOI: 10.1016/j.inteco.2018.04.001
2. Sachs J.D., Warner A.M. Natural resources and economic development: the curse of natural resources, *European Economic Review*, 2001, no. 45, pp. 827–838. DOI:10.1016/S0014-2921(01)00125-8
3. Satti S.L., Farooq A., Loganathan N., Shahbaz M. Empirical evidence on the resource curse hypothesis in oil abundant economy, *Economic Modelling*, 2014, vol. 42, pp. 421–429. DOI: 10.1016/j.econmod.2014.07.020
4. Amiri I., Samadian F., Yahoo M., Jamali S.J. Natural resource abundance, institutional quality and manufacturing development: Evidence from resource-rich countries, *Resource Policy*, 2019, vol. 62, pp.550–560. DOI: 10.1016/j.resourpol.2018.11.002
5. Arin K. P., Braunfels E. The resource curse revisited: A Bayesian model averaging approach, *Energy Economics*, 2018, vol. 70, pp. 170–178. DOI: 10.1016/j.eneco.2017.12.033
6. Sadovskaya V., Shmat V. Paradoks «resursnogo proklyatiya»: mezhsranovoy analiz [The paradox of the ‘resource curse’: cross-country analysis], *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2017, vol. 61, no. 3, pp. 25–35. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-25-35
7. Filimonova I.V., Eder L.V., Provornaya I.V., Cherepanova D.M. Vliyanie neftegazovoy otrasli na ekonomiku dobyvayushikh stran [Impact of the Oil and Gas Industry on the Economy of Producing Countries], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Ekonomika* [Bulletin of St. Petersburg University: Economics], 2020, vol. 36, issue 4, pp. 693–718. DOI: 10.21638/spbu05.2020.407
8. Aytac S.E., Mousseau M., Örsün Ö.F. Why some countries are immune from the resource curse: The role of economic norms, *Democratization*, 2016, vol. 23 (1), pp. 71–92. DOI: 10.1080/13510347.2014.964216
9. Chirkova E. Vliyanie institutov na razvitie resursnykh ekonomik [Impact of Institutions on the Development of Resource Economies], Moscow : Mosk. tsentr Karnegi, 2017, 66 p. Available at: https://carnegie-production-assets.s3.amazonaws.com/static/files/CP_Chirkova_2017_web_Rus.pdf (accessed: 20.09.2024).
10. Zhang X., Xing L., Fan S., Luo X. Resource abundance and regional development in China, *Economic of Transition*, 2008, vol. 16 (1), pp. 7–29. DOI: 10.1111/j.1468-0351.2007.00318.
11. Postali F.A.S. Petroleum royalties and regional development in Brazil: The economic growth of recipient towns, *Resource Policy*, 2009, vol. 34, pp. 205–213. DOI: 10.1016/j.resourpol.2009.03.002
12. Libman A. Natural resources and sub-national economic performance: Does sub-national democracy matter? *Energy Economics*, 2013, vol. 37, pp. 82–99. DOI: 10.1016/j.eneco.2013.02.003
13. Weber J.G. The effects of a natural gas boom on employment and income in Colorado, Texas and Wyoming, *Energy Economics*, 2012, vol. 34 (5), pp. 1580–1588. DOI: 10.1016/j.eneco.2011.11.013
14. Haggerty J., Gude P.H., Delorey M., Rasker R. Long-term effects of income specialization in oil and gas extraction: The U.S. West, 1980–2011, *Energy Economics*, 2014, vol. 45, pp. 186–195. DOI: 10.1016/j.eneco.2014.06.020
15. Hajkowicz S.A., Heyenga S., Moffat K. The relationship between mining and socio-economic wellbeing in Australia's regions, *Resource Policy*, vol. 36, pp. 30–38. DOI: 10.1016/j.resourpol.2010.08.007
16. Rawashdeh R., Cambell G., Titi A. The socio-economic impacts of mining on local communities: The case of Jordan, *The Extractive Industries and Society*, 2016, vol. 3, pp. 494–507. DOI: 10.1016/j.exis.2016.02.001

17. Belousova S.V. Resursnye regiony: ekonomicheskie vozmozhnosti i finansovaya spravedlivost' [Resource Regions: Economic Opportunities and Financial Justice], *EKO* [ECO Journal], 2015, vol. 6, p. 40–48.
18. Babina S.I., Egorova N.M. Analiz urovnya zhizni naseleniya Kemerovskoy oblasti – Kuzbassa v kontekste resursnoy zavisimosti ekonomiki regiona [Effect of Resource Economy on the Standard of Living in the Kemerovo Region], *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], 2021, vol. 6, no. 3, pp. 357–373. DOI: 10.21603/2500-3372-2021-6-3-357-373
19. Tokarev A.N. Osobennosti sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya resursnykh regionov Rossii [Features of the Socio-Economic Development of Russian Resource Region], *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sotsiologiya. Kul'turologiya* [Bulletin of the North-Eastern Federal University. Series: Economics. Sociology. Cultural studies], 2017, vol. 1 (05), pp. 7–15.
20. *Irkutskstat* [Territorial body of the Federal State Statistics Service for the Irkutsk Region]. Available at: <https://38.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (accessed: 15.09.2024).
21. *Krasnoyarskstat* [Territorial body of the Federal State Statistics Service for Krasnoyarsk Territory]. Available at: <https://24.rosstat.gov.ru/ofstatistics> (accessed: 15.09.2024).
22. *Rosstat* [Federal State Statistics Service of the Russian Federation]. Available at: https://rosstat.gov.ru/regional_statistics (accessed: 15.09.2024).
23. Levin S.N., Kagan E.S., Sablin K.S. Regiony «resursnogo tipa» v sovremennoy rossiyskoy ekonomike ["Resource Type" Regions in the Modern Russian Economy], *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy* [Journal of Institutional Studies], 2015, vol. 7, no. 3, pp. 92–101.
24. *Canada's national statistical agency*. Available at: <https://www150.statcan.gc.ca/n1/en/type/data?MM=1> (accessed: 10.09.2024).
25. *Australian Bureau of Statistics*. Available at: <https://www.abs.gov.au/statistics> (accessed: 20.09.2024).
26. *U.S. Bureau of Economic Analysis (BEA)*. Available at: <https://www.bea.gov> (accessed: 20.09.2024).
27. *Responsible actions: a plan for Alberta's oil sands. Government of Alberta*, 2009. Available at: <https://open.alberta.ca/publications/9780778580546> (accessed: 08.09.2024).
28. *Alberta Heritage Fund: Hits \$22.1B value*. Available at: <https://edmonton.ctvnews.ca/heritage-fund-reaches-all-time-high-value-of-22-1b-1.6857531#:~:text=Stephen%20Thompson%2C%20the%20executive%20director,third%2Dquarter%20results%20for%202023> (accessed: 08.09.2024).
29. Hill T., Emes J., Clemens J. A New (Old) Fiscal Rule for Non-Renewable Resource Revenue in Alberta. *Fraser Institute*, 2021. Available at: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/new-old-fiscal-rule-for-non-renewable-resource-revenue-in-alberta.pdf> (accessed: 20.09.2024).
30. Mansell R.L. *Diversification of the Alberta economy: in search of stability. University of Calgary. The School of Public Policy Publications. SPP Pre-Publication Series*, 2021. Available at: https://www.policyschool.ca/wp-content/uploads/2021/07/AF11_Diversification_Mansell.pdf (accessed: 20.09.2024).
31. *Royalties information. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety*. Available at: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Royalties-information-16542.aspx> (accessed: 20.09.2024).
32. *Investors. Department of Energy, Mines, Industry Regulation and Safety*. Available at: <https://www.dmp.wa.gov.au/Investors/Investors-339.aspx> (accessed: 20.09.2024).
33. *Diversify WA: Future State. Department of Jobs, Tourism, Science and Innovation – Economic Development*. Available at: <https://www.wa.gov.au/government/publications/diversify-wa-future-state> (accessed: 22.09.2024).
34. Kline P., Moretti E. Local Economic Development, Agglomeration Economies, and the Big Push: 100 Years of Evidence from the Tennessee Valley Authority, *The Quarterly Journal of Economics*, 2014, vol. 129(1), pp. 275–331. DOI: 10.1093/qje/qjt034.
35. *TVA Strategic Intent and Guiding Principles*, 2021. Available at: <https://wehco.media.clients.ellingtoncms.com/timesfreepress/news/documents/2021/05/06/214003strategicplandocumentp2114647632851.pdf> (accessed: 15.10.2024).

Информация об авторах

Нагаева Ольга Сергеевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: espro@mail.ru

Шишацкий Николай Георгиевич — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук, Новосибирск, Российская Федерация. E-mail: nik@ksc.krasn.ru

Information about the authors

Olga S. Nagaeva — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: ecpro@mail.ru

Nikolay G. Shishatsky — Candidate of Economic Sciences, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Novosibirsk, Russian Federation.
E-mail: nik@ksc.krasn.ru

Статья поступила в редакцию 28.10.2024; одобрена после рецензирования 23.03.2025; принята к публикации 02.04.2025.

The article was submitted 28.10.2024; approved after reviewing 23.03.2025; accepted for publication 02.04.2025.